

Антон Чёрный

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Антон Чёрный

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Москва
«Воймега»
2020

УДК 82-14
ББК 84(2)6
Ч49

Издание книги поддержали читатели:

А. Астафьева, М. Голубева, А. Кашина, Д. Коган,
В. Козлов, Л. Колесник, М. Корепанов, П. Косов,
В. Кошелев, О. Кузнецова, А. Купченко, О. Магазова,
Д. Манин, Е. Одинцова, И. Сергеев, А. Серебrenников,
Я. Старцев, М. Титова, С. Фаустов, Т. Шишигина

Чёрный А. В.

Ч49 Путеводитель / Антон Чёрный. — М. : Воймега, 2020. — 54 с.
ISBN 978-5-6043511-8-5

Книга, написанная по следам путешествия автора в США, включает стихотворения 2015–2018 годов. Возрастное ограничение 16+

УДК 82-14
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6043511-8-5

© А. В. Чёрный, 2020

Деревья
Калифорнии

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил...

К. Н. Батюшков

* * *

Никого тут нет в Америке.
Только ветер и песок.
Листья вянут в тихом скверике.
Небосклон высок.

Каждый вечер начинается
У накрытого стола.
Пустота мне улыбается,
Спрашивает: «Как дела?»

Говорю: «Дела неважные,
Дорогая пустота.
Спят дома одноэтажные
И другая красота.

Я смотрел помехи в телике,
И, по данным ВКС,
Нету никакой Америки.
Стало быть, и я исчез».

Малибу

«Огромная вода тут близко?
Вода, весёлая, как снег?» —
Спросил на ломаном английском
Один нерусский человек.

«Огромная вода тут рядом, —
Я отвечал ему тотчас, —
Вода, напитанная ядом,
И неприятная для глаз».

Ответом огорчён он не был.
Вскричал он радостно тогда:
«Вода, весёлая, как небо!
Большая добрая вода!»

Потом пошёл, как так и надо,
И в набегающей волне
Стоял с жестянкой лимонада,
Добившись своего вполне.

Морская соль смывает сажу.
Рокочет добрый водоём.
Мы с Ваней тут идём по пляжу
И вам привет передаём.

Деревья Калифорнии

«Надо быть по жизни попроворнее», —
Говорили мне ночной порой
Хвойные деревья Калифорнии,
Охристой покрытые корой.

«Да вот как-то всё не получается, —
Отвечал я прямо в темноту, —
Силы и терпение кончаются.
Как узнать последнюю черту?»

Говорило дерево осеннее:
«Повторителя нелёгко путь.
После полосы перерождения
Не забудь направо повернуть:

В золотом саду на склоне лета
Мертвецы покоятся в тени.
Полосою медленного света
Мирно убаюканы они.

Палые плоды лежат в покое,
Воздух электрический дрожит.
Странствователь, видевший такое,
Неприменно смерти убежит».

Кроны воздевая в выси горние,
Говорили мне ночной порой
Хвойные деревья Калифорнии,
Охристой покрытые корой.

* * *

Уверен, этот мир не настоящий.
Здесь просто сняли скучное кино.
Оставили цветы, какой-то ящик.
Всё кверху дном.

Тутовник, пальмы, фикусы и сливы —
Перечислять гербарий нету сил.
Не может быть вот просто так красиво.
Господь бы этого не допустил.

Озеро Пиру

Было ветрено. Было мокро.
Бирюза переходит в охру.
Красота — вверху и внизу.
Охра падает в бирюзу.

Я — как рана: ещё не зажил.
И торчу я в этом пейзаже,
Как из бани выскочил в снег, —
Незадачливый человек.

Вокруг пальца земли — так близко —
Путь мой росчерком проведён
Там, где утки плывут по-английски
Через все двенадцать времён.

Что ни день, всё та же беседа
В кабинете моей груди:
Странствователя и домоседа —
Об оставленном позади.

Этиванда-авеню

Ах, Этиванда, Этиванда!
Не то цветёт, не то горит.
Благоуханная лаванда
Отдохновение дарит.

И что-то красное такое
Свисает с трепетных ветвей.
И в вечеряющем покое
Не умолкает соловей.

Ах, Этиванда, дорогая!
Как будто девушку зовут!
По языку перебегая,
Слова по воздуху плывут.

Как будто к радостной победе,
Минуя придорожный знак,
Я еду на велосипеде.
Как будто бы не просто так.

Sun City: A Garbage Day

Music that touched so deeply
when you were young, tall and often drunk.
It's going deeper,
almost indiscernible from silence —
as if it never played,
as if you never lived.
A huge Garage Sale —
that's what you are,
the last resort of discounts
for practical stuff,
for the bunch of gorgeous nothing
like
used plastic kids (pick up only),
electric lovers (discharged),
truth and consciousness (for parts).
What a chance!
Get a gun
and visit your foes
on this beautiful Garbage Day.
Monthly special to choose from:
somebody
& somebody else.

* * *

День на Малибу вполне обычный
Провожу я, книжки отложив.
Позвонок мой, пятый поясничный,
Сообщает, что я здесь и жив.

То ли солью моря, то ли болью
Всё во мне внутри подтверждено.
Радуется этому приволью
Глупое моё второе дно.

Там лежат, запаяны навеки,
Целые года и города,
Человеки, недочеловеки,
Дневники, кассеты, провода.

С мертвецами юными прощаюсь,
Но не отпускаю за порог.
Как сосуд, я с морем общаюсь,
Вот и льётся вечный посошок.

Сам с собой

Нам двери на бульваре открывались.
Был воздух перегаром напоён.
И мы с тобой сегодня постарались,
Не посрамили бановский район.

Бестрепетно прошли по Голливуду,
Всему чужие на его пирах,
Опустошая барную посуду,
С ног отрясая золотистый прах.

Вели тебя, во тьме сопровожда,
В сиянии неона голубом:
Антония, гречанка молодая,
Антонио, калифорнийский бомж.

На мостовой, как золотые двери,
Горели предвещанием судьбы:
Звезда для постаравшихся поверить,
Звезда для постаравшихся забыть.

И ты сказал: утрись и поднимайся,
Шагни туда, невозмогая дрожь —
Ты выйдешь прямо в снег на Первомайской
И, как тогда, растерянно замрешь.

* * *

База, база, мы в тени Плутона.
С высоты не видно ничего.
Словно летней ночью у затона,
Вечное во мраке торжество.

Припадаю к тёмному окошку.
Как вы там? Ни тронуть, ни спросить.
Дома не окучена картошка,
И за баней надо обкосить.

База, база, здесь так мало света.
Мчат лучи, как прутики хвои.
Я передаю, но нет ответа.
Где же избы серые твои?

* * *

У бабушки в серванте были слоники,
И с деревянной спинкою диван.
Смеркается над пляжем Санта-Моники,
И полосами гаснет океан.

Когда-то в недострое поликлиники
Я наступил на битое стекло.
Печально пальмы отряхают финики,
От ветра наклоняясь тяжело.

Всё это существует одновременно:
Тот мальчик и сегодняшний поэт.
И в пустоте, небытием беременной,
Вытаскивает каждый свой билет.

Вчерашний и сегодняшний поместятся
В горсти, в щепотке, как печальный дым.
И кто-то третий в воздухе мерещится,
Любующийся первым и вторым.

Pacific Palisades

Мой друг, печальный человек,
В потёмках августа разыскивает снег.
И дожидаться там, совсем один,
Он будет долго, до седин.

Во тьме касаются протянутой руки
Незрелых цитрусов литые коlobки.
Они висят над этим августом всегда,
И в них покоится печальная вода.
Вода великая, бегущая вослед
За облаками и течением планет,
Туда, где висится, как долгожданный дар,
При каждом выдохе голубоватый пар.

Странствователь

На неприветливой планете
Лечу неведомо куда.
Качается в неверном свете
Немилосердная звезда.

Во сне приходят виновато
России верные сыны.
Кричу, захлёбываясь ватой:
«Я здесь! Ребята! Пацаны!»

Но нет ответа. Видно, зря мы
Тянули вместе якоря.
Вы за стеклянными дверями
Там, на пороге сентября.

Искажены улыбкой лица,
Глаза подёрнул вечный лёд.
Мгновение так долго длится,
Что видно, как оно идёт.

Sun City: A Favor

Music from the distant shore
comes softly.
The essence of the things
is not defined. By whom?
That's a good question.
Not by me at least,
I wouldn't take the burden
to show a path to the blind ones
(including myself).
Sometimes it feels like I
have read the plot before,
a boring spoiler.
Couple pages of indecipherable love groans
and then —
a dusty plain of empty paper.
So long.
So long.
So damn familiar.
Look at me. Tell me I exist.
Punch me,
touch me.
Do me a favor
while I'm still here.
I'd say
it's worth being.

Четыре лета

Летели лёгкие недели.

Всё было переплетено.

В тоннеле солнечной метели

Четыре лета пролетели,

Гармошкой сложены в одно.

Мы заигрались, мой учитель,

Мой незадачливый воитель,

Растрепанный путеводитель,

Ведущий за руку меня.

Точнее, за руку ведомый

В мой дом, родимо-незнакомый,

Из крови, ерунды, огня.

До дома мы идём до дома

Идём до дома мы до дома

До дома дома скоро дома —

Ещё раз десять повторим,

Что в Риме не осталось Рима,

Руины встретят пилигрима,

Но мы идём упрямо в Рим.

* * *

В богоспасаемой долине Сан-Фернандо
Я выходил бывало на веранду.

Мне не хватало нескольких вещей.
Во-первых, небо было слишком голубое.
Горело солнце в набегающем прибое,
А я купаться не люблю вообще.

Меридианами себя перемещая,
Себя за всё недовершённое прощая,
Я уходил туда всё глубже головой,
Где на веранде мы сидим с Андреем,
Пьём чай с душицей, чабрецом, кипреем,
Короче, чай с какой-то бабкиной травой.

На даче не нашлось другого чая.
Движения часов не замечая,
Сморгнули ночь. Сместился небосвод.
И оказались мы негаданно-нежданно
В богоспасаемой долине Сан-Фернандо,
На берегу Тихоокеанских вод.

Куда ж нам плыть? Всё это существует,
Распахнутое небо торжествует,
Напряжено дороги полотно.
И лёгкими чайнками лучится
Всё, что случилось и ещё случится
Со мной сегодня, завтра и давно.

Домотканые
половики

И пепел твой любил, оставшись на земли.

К. Н. Батюшков

* * *

Здесь у каждого есть на другом берегу
Тот, который тогда умирал на снегу.
Здесь у каждого зеркало есть, и вода,
И мечта, что уже не придёт никогда.

До свидания, люди. Горячий привет.
У меня всё нормально. Обут и одет.
Только боли и воздуха терпкая смесь
Не даёт мне забыть, что я всё ещё здесь.

* * *

Мне до сих пор неясно, как это возможно.
Вот он ушёл, прикрыл калитку осторожно.
Нам непонятны эти замыслы прямые,
И мы стоим, от удивления немые.

Вот десять с четвертью, одиннадцать, двенадцать.
И мы пошли вослед часам, куда деваться?
А он стоит и смотрит, где-то там, за речкой.
За окончательной невидимой отсечкой.

* * *

Хотя я бросил в августе курить,
Я с вами постою неподалёку.
Нежданно это было или к сроку?
Нам не о чем осталось говорить.

Неважно, молодым или седым.
Проходит жизнь, как вредная привычка.
Быстрее, чем догорает эта спичка,
Рассеивая синеватый дым.

* * *

На даче засиделись до утра
И закопали два письма в бутылке:
Самим себе словесные посылки,
Отправленные будто бы вчера.

За жидким чаем длился разговор,
И поместилось в этом разговоре,
Как в приоткрытом временном просторе,
Всё, что случилось с нами с этих пор.

Ты и себе листочек оторви,
Пускай послужит старая тетрадка,
И напиши: о тягостной и сладкой,
Несбыточной мучительной любви.

Прошло неторопливо двадцать лет.
К нам годы мимоходом прикоснулись.
Мы за бутылкой так и не вернулись,
Давно в земле её затерян след.

И всё плывёт, плывёт она, легка,
Недвижна — издавна, издавека.
Два романтических серьёзных сопляка
Сидят за чаем. Всё это так близко.
В моих руках ответная записка:
«Любовь сбылась. Любовь была сладка».

* * *

Так в среднем мире сновидений
При повороте медленных зеркал
Являются возлюбленные тени,
Чей след я наяву искал.

Затопленная паводком округа.
Сырые срубы незнакомых дач.
Я дожидался умершего друга
Под линией электропередач.

Заросшие бурьяном перекрёстки.
Холодные лесистые холмы.
Места переменялись, как напёрстки,
И неожиданно столкнулись мы.

То ли направо было, то ли прямо,
А он своё твердит: «Не уходи.
Я только в смерть сейчас схожу за мамой.
Я быстро. Погоди».

* * *

М. Марковой

Грустно будет без старых людей,
Как у высохшего колодца.
Как мы с вами ни молодей,
Их собой заменить придётся.

Оставляют нам старики
Унаследование такое:
Домотканые половики
Доморощенного покоя,
Рукоделие добротой,
Что, над капельницей ночуя,
В поликлинике золотой
Наши немочи уврачует.

Остаёмся мы допоздна,
Чтоб не гасла луча живая.
Остаёмся, как семена,
Погибая, передавая.
С естеством наперегонки,
Равновесия не нарушим.
Будем делаться глубоки
И достойны своих старушек.

А когда мы накоротке
Повстречаемся с неминучей,
Есть завёрнутое в платке
Всё, что надо, на этот случай.

Помин

1

Запретили курить.
И постель не к добру подновили.
Больно чистенько будет живому лежать.
Передвиньте поближе,
Поближе кровать.
Как легко-то..
Почти без усилий.

Что-то почти и не больно.
Две минуты —
И будто вчера.
Ничего, не спеши сестра,
Потом скомандуешь «вольно».

2

Есть картина одна,
Где усталые лица
Очерчены светом.
Их трапеза невесела.
И отходит один, касаясь стола,
Чтобы в сонме теней раствориться.
Так однажды из душевной палаты
Порывом метели
Выскочил в мятом исподнем дед Николай.
И встречали его,
Кто нагой,
Кто в простреленной мокрой шинели —
Те,
Не вышедшие из котла.

* * *

Если дедушка прекратится
У окна областной больницы,
Если дедушка вдруг умрёт,
Онемееет на ветке птица,
И водицу подёрнет лёд.

От последнего издыхания
В белой шапочке набекрень
Выйдет Божие рисование
И цветами раскрасит день.

У Ловца затрепещет леска
С поплавком из небесных тел.
Кольхается занавеска —
Это дедушка полетел.

И гляди, уже гладко-гладко,
Как послушное существо,
Заправляют его кроватьку,
Словно не было ничего.

Константин

Сокроемся туда...

Не река — болотина да тина
Отразила много лет назад
Золотое имя Константина
И его погасшие глаза.

Годы, годы неподвижной муки
Созерцал он низенький причал.
Поначалу мучился от скуки,
А потом навеки заскучал.

Он, бывало, только соберётся
Потревожить тайную струну —
Слово пропадёт и не найдётся.
Вновь он произносит тишину.

Скучно в этом городе крестьянском.
Доктор наказал гулять водить.
Он в ответ молчал на итальянском,
Даже не трудясь переводить.

Тина, тина, чёртово болото.
Медленная бурая вода.
Говорить и думать неохота.
Говорить и думать никогда.

Горловская мадонна

Скажи, а ты будешь меня любить,
Когда нас начнут бомбить?
Нас долго старались не замечать,
Но могут ведь и начать.

Нечаянно ниспадает тьма
На дремлющие дома,
Тревожно становится и тепло,
И входит большое зло.
Размашисты, смелы его шаги,
Прекрасны его сапоги.

Пожалуйста, в этот день приготовь
Нашу с тобой любовь,
Самую крепкую, на года,
Такую, чтоб навсегда.
Когда темнота достигает дна,
Поможет только она.

Открытка с видами конца света

П. Ятвицкому

Скажи мне, Паша, как ракетчик переводчику:
Когда мы все умрём?
Мне тут гадали по ладони и по почерку,
Но их гадалки не в ладах с календарём.

Под вечер в мексиканском кафетерии,
Когда жара особенно жарка,
Испытывая к жизни недоверие,
Я вспоминаю о твоём БЖРК.

Как жаль, не попрощаемся по-русски мы.
Огонь падёт на Пятой авеню,
И канет мир во времена моллюсковы.
Такая служба, и тебя я не виню.

Знакомо с детства нам волнение недоброе,
Когда игре ты следуешь, как раб:
Этап закончен, все морковки собраны.
Осталось уничтожить штаб.

Сталинградская мадонна

Пресвятая! Снег опадает вниз.
Тяготение не понять умом,
Общечеловеческий гуманизм,
Батарейку русскую за холмом.

Опадает смерть, и сюжет не нов.
Красно украшен огневой рубеж
Неподвижными фигурками пацанов —
Кто в серой шинельке, кто цвета беж.

Столько голов, что не хватит плах
Для схвативших судьбу острым концом,
Путешествующих в длительных зеркалах,
Лежащих вниз лицом.

Если есть ещё капля твоей любви,
Ниспошли своих голубей.
Пресвятая, смилуйся и убей.
Пожалей нас. Останови.

Риму

из Франсиско де Кеведо

Ты в Риме ищешь изначальный Рим,
Но в Риме больше не осталось Рима:
Холодный труп встречает пилигрима,
И Авентин — надгробием над ним.

Где прежде Палатин, необорим,
Блистал победной медью нестерпимо,
Там годы поражений мчались мимо,
И ныне мы одни руины зрим.

Остался Тибр. В стенанье одиноком
Поднесь покойник царственный омыт
Его неумолкающим потоком.

О, Рим! Ты в назидание разбит:
Что было твёрдо — то пожралось роком,
А что текло — незыблемо стоит.

* * *

Как люди движутся сквозь собственные судьбы,
Как их движения отточенно-верны,
Спокойны взгляды, устремления высоки,
Какая ясная спокойная готовность
И послушание в их облике сквозят!
Как это правильно, и как это жестоко.
Поцеловать бы их. Обнять. Предотвратить.

Великое
отсутствие

Есть странствиям конец — печалям никогда!

К. Н. Батюшков

Домосед

Нет, земле самой не прополотья,
Не засеяться, как стает снег,
И воды не принести с колодца —
Для всего потребен человек.

Для плодов на яблоне осенней,
Для бегущего веретена,
Для круговорота превращений
Надобен несущий семена.

* * *

Прибывает тепло понемножку.
Вдалеке убывает Луна.
Мама с папой сажают картошку,
Потому что картошка нужна.

Пробегают над ними светила
В непомерной своей темноте,
И Луна багрецом окатила
Небосводы на дальней черте.

Тех созвездий не помню я имя,
Что бегут солнотечным путём.
Теплоту поедает зазимье.
Стынет августа окоём.

Убывает тепло понемножку.
Чернотой глубинеет вода.
Мама с папой копают картошку,
Потому что так было всегда.

* * *

Мы не вызовем шума в газетах,
Ни в отдельности, ни вдвоём.
Как печальные тени предметов,
Как цветы, мы однажды прейдём.

Вдалеке позабытые дети,
Превращённые некогда в нас,
Так же таяли в медленном свете,
Пока он не погас.

* * *

Об этом мальчике скучаю только я.
Он видел ветер, наблюдая воробья,
И, злые трещины в асфальте обходя,
Читал по запаху названия дождя.
Сперва напуган, а теперь уже сердит,
Он в темноте моей на стульчике сидит.
Не находя его в мелькании картин,
Об этом мальчике жалею я один.
Но иногда под Новый Год и Рождество
Я вижу ветер и предчувствую его.

* * *

В растрёпанном фотоальбоме
Пустые светятся места,
И в их таинственном укроме
Есть непростая красота.

Есть подлинность и есть усталость
В их одиночестве большом.
И сбоку подписи остались,
Начертаны карандашом:

«Несуществующая Прага».
«Две тысячи забытый год».
Болят покорная бумага,
Но и она переживёт.

И, кажется, в одной из плёнок,
Засвеченный одним щелчком,
Был неродившийся ребёнок
Под непосаженным дубком.

* * *

По всей квартире у меня теперь записочки.
Уравновешенный распределённый быт.
От них протянуты невидимые ниточки,
Чтоб ничего не потерять и не забыть.

Одна хрустальная, по ней сусальным золотом:
«Зубная паста. Рис. Консервы. Молоко».
В пространстве комнаты, на кубики расколотом,
Её сияние отрадно и легко.

В другой развёрнутые двери открываются,
А третья рдеет, как нагретое вино,
Напоминая мне, как вещи называются,
Как отзывается забытое давно.

Перечисления и превращения.
Столы — две штуки. Смерть. Кровать.
И между книг — записка, сообщение.
Там только имя. Я боюсь его читать.

* * *

С невидимого порога
У белого-белого дня
Отмеренная дорога
Закончится для меня.

Зима побежит, петляя
Заброшенной колеёй,
От холода молодая,
Над выстуженной землёй

Неся ледяной крыжовник
По сумеречным местам —
Семёнково и Ежово,
Где-то примерно там,

И дальше, до самой Лежи,
В лесное её нутро,
Где заморозок медвежий
Разбрасывает серебро,

Где капли печальной клюквой
Падают из горсти.
Там мы и встретимся, друг мой.
Надеюсь, тебе по пути.

* * *

В лесопункте конечная узкоколейки.
В этом пункте лесном обрываются рельсы,
Догнивают вагоны и старый вокзал.
Остывает прозрачный недвижимый воздух.
Обрываются рельсы. Недвижимый воздух.
В лесопункте кончается эта неделя,
Только новую некому начинать.
Догнивают вагоны. Недвижимый воздух.
Тишиной наполняются ржавые рельсы.
Это староста Кошкин на прошлой неделе
Вышел что-то сказать на крыльцо и забыл.
Так и ждёт этот лес и недвижимый воздух
И внимательно слушает третий день.

* * *

Недалеко от Куркино
В лесу есть старое кострище.
Лежит истлевшее бревно.
От елей веет темнотищей.

Сюда не замечает снег,
Когда метель над белым полем,
И не заходит человек
По доброй воле.

Окаменело вещество
Сменяющихся полугодий.
И никого, и ничего
Не происходит.

ЗИМОВЬЕ

Вот дом. Но пусто в нём. Лишь пыли скоротечность
В него впадает днём, как в некий водоём.
Естественным путём мы попадаем в вечность
И в будущем живём естественным путём.

И за окном шумит лесная картотека,
Листая имена попавших в этот плен.
Покуда в доме нет и тени человека,
Благословенный свет не покидает стен.

И как мне не нарушить здесь
Своим присутствием
Великое отсутствие?

Путевой лист

Я не был в америке. Я был в лесу,
Где всё исчезает в десятом часу.
Едва только стрелки сойдутся,
И звуки, пропав, не найдутся.
Там ходит по кругу худая судьба,
Тихонько скрипя, отворяя гроба.
И в каждом до срока томится
Весёлая жизни страница.

Я не был в америке. Всё зачеркнём.
Запишем: играл с путеводным огнём.
И только закончить собрался,
Как тут же и доигрался.
Входя поутру в океанский туман,
Я круглую вологду прятал в карман.
Носил её под рубашкой
С ключами и открывашкой.

Я не был в америке. Так и скажи.
Я просто сжимался и медленно жил.
Обедал и ужинал скромно,
А где это было, не помню.
По круглому шару всё шёл я и шёл,
И сделалось мне хорошо-хорошо.
И сердце тревожно забилося.
И вологда пригодилась.

Содержание

Деревья Калифорнии

«Никого тут нет в Америке...»	7
Малибу	8
Деревья Калифорнии	9
«Уверен, этот мир не настоящий...».	10
Озеро Пиру	11
Этиванда-авеню	12
Sun City: A Garbage Day	13
«День на Малибу вполне обычный...»	14
Сам с собой.	15
«База, база, мы в тени Плутона...»	16
«У бабушки в серванте были слоники...»	17
Pacific Palisades	18
Странствователь	19
Sun City: A Favor	20
Четыре лета	21
«В богоспасаемой долине Сан-Фернандо...».	22

Домотканые половики

«Здесь у каждого есть на другом берегу...».	25
«Мне до сих пор неясно, как это возможно...»	26
«Хотя я бросил в августе курить...»	27
«На даче засиделись до утра...»	28
«Так в среднем мире сновидений...»	29
«Грустно будет без старых людей...»	30
Помин.	31
«Если дедушка прекратится...»	32
Константин	33
Горловская мадонна	34
Открытка с видами конца света	35
Сталинградская мадонна	36
Риму (из Франсиско де Кеведо)	37
«Как люди движутся сквозь собственные судьбы...»	38

Великое отсутствие

Домосед	41
«Прибывает тепло понемножку...»	42
«Мы не вызовем шума в газетах...»	43
«Об этом мальчике скучаю только я...»	44
«В растрёпанном фотоальбоме...»	45
«По всей квартире у меня теперь записочки...»	46
«С невидимого порога...»	47
«В лесопункте конечная узкоколейки...»	48
«Недалеко от Куркино...»	49
Зимовье	50
Путевой лист	51

Литературно-художественное издание

Чёрный Антон Владимирович

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Редактор: В. Логинов

Корректор: В. Варфоломеева

Макет: А. Шварц

Подписано в печать 19.05.2020

Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 2,9

Бумага офсетная 100¹/₁₆

Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6043511-8-5

9 785604 351185

Антон Чёрный родился в 1982 году в Вологде. Учился на филфаке Вологодского университета и в Институте печати в Петербурге. Литературовед, издатель, переводчик немецкой, английской и нидерландской литературы, редактор книжной серии «Поэты Первой мировой». Стихи А. Чёрного публиковались в периодике («Арион», «Новый мир», «Октябрь») и выходили двумя отдельными изданиями: «Стихи» (2009) и «Зелёное ведро» (2015). В книгу «Путеводитель» вошли стихотворения 2015–2018 годов, написанные по следам путешествия автора в США

